

УДК 2-9

Египет и становление теологии Ветхого Завета

Мисецкий Евгений Васильевич

Аспирант,

Центр египтологических исследований Российской академии наук,
123001, Российская Федерация, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1;

e-mail: barsik231@rambler.ru

Аннотация

Данная статья представляет собой исследование роли Исхода евреев из Египта как одного из первых исторических прототипов разделения мира на духовное и мирское и императива примата духа над телом. Автор статьи подробно рассматривает некоторые аспекты принципиального характера, касающиеся отличия и сходства израильской религиозной доктрины и обычаев египетской культуры.

Для цитирования в научных исследованиях

Мисецкий Е.В. Египет и становление теологии Ветхого Завета // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2014. – № 6. – С. 77-93.

Ключевые слова

Египет, Ветхий Завет, Исход, израильская религиозная доктрина, древний Израиль, Бог, богоизбранность, иудеи, религия.

*Израильтяне считали освобождение
из египетского рабства образующим
элементом своей истории.*

К. Хиггинботэм

Введение

Уже тот достаточно краткий анализ образа Египта в Ветхом Завете, который был произведен в наших предыдущих работах, показал логику развития образа этой культуры и ее роль в мировоззрении древнего иудея [см. Мисецкий, 2012; Мисецкий, *Онтология Египта...*, 2014; Мисецкий, *Проблемы библейской историографии...*, 2014].

Египет был символом телесного довольства, о чем говорят как мотивы сытости и плодородия, так и упоминание о блуде юного Израиля в Египте. Кроме того, древние евреи всегда воспринимали египтян как «народ крепкий и бодрый, народ страшный от начала и доныне, народ рослый и попирающий (в битве)» (Ис. 18: 2). Несомненно, влияние его культуры было заметным и достаточно сильным. Уподобление в богочитании другим народам на протяжении всей ветхозаветной истории оставалось наиболее опасным соблазном для Израиля: «Когда ты войдешь в землю, которую дает тебе Господь Бог твой, тогда не научись делать мерзости, какие делали народы сии...» (Втор. 18:9) [Астапова, 2009, 269].

Это усиливавшееся влияние, грозившее евреям потерей этнико-религиозной идентичности и осложненное проблемами внутриполитического характера («рабство» иудеев), потребовало исхода для восстановления Завета – то есть традиций и духовной идентичности этноса, «соблазняемого» Египтом и постоянно говорящего о возвращении в этот изобильный край.

Вместе с тем выход и странствие в пустыне сыграло важную роль в становлении коллективной культурной памяти народа. Экстерриториальность завета – союз с Богом *вне* Земли обетованной, помысль об Израиле *вне* Израиля – сыграла свою роль в становлении особого типа ментальности, выживающей и сохраняющей культурную память зачастую без внешне определяемых условия коллективной памяти (таких как храм, царская власть, территория). По замечанию историка, уже в пятой книге Моисеевой, Второзаконии, «развивается культ памяти о прошлом, основанный на разделении идентичности и территории» [Ассман, 2004, 231]. Эту идею Генрих Гейне обозначил поэтически, назвав Тору «портативной родиной»: пространство духовной идентич-

ности разделяется на духовном – «книжном», а не географическом или административном уровне.

Исход как прототип разделения мира на духовное и мирское

Став прообразом будущих потерь и обретений, Исход стал также одним из первых исторических прототипов разделения мира на духовное и мирское и императивом примата духа (откровение, Синай, манна небесная) над «телом» (язычество, Египет, «котлы с мясом»).

Первые упоминания Египта в Танахе связаны с божественной волей; быть может, именно такая подача историй о патриархах может навести на мысль о присутствии определенного стратегического редактирования. Если после Исхода Египет оценивается как исключительно отрицательный хронотоп, место мерзостей и разврата, то до Моисея мы видим, что Господь специально оговаривает, например, посещение Египта Исааком: «Господь явился ему и сказал: не ходи в Египет; живи в земле, о которой Я скажу тебе» (Быт. 26: 2); [Бог] сказал: Я Бог, Бог отца твоего; не бойся идти в Египет, ибо там произведу от тебя народ великий. Я пойду с тобою в Египет, Я и выведу тебя обратно» (Быт. 46: 3-4).

Исход из Египта также инициируется Господом: «Итак пойдя: Я пошлю тебя к фараону; и выведи из Египта народ Мой, сынов Израилевых. ... Я выведу вас от угнетения Египетского в землю Хананеев, Хеттеев, Аморреев, Ферезеев, Евеев и Иевусеев, в землю, где течет молоко и мед» (Исх. 3:10, 17). Предупреждение об опасности Египта, с другой стороны, звучит и в книге пророка Иеремии: «И все, которые обратят лице свое, чтобы идти в Египет и там жить, умрут от меча, голода и моровой язвы, и ни один из них не останется и не избежит того бедствия, которое Я наведу на них» (Иер. 42:17).

Принципиальным вопросом пребывания Израиля в Египте является возможность служить Богу своих отцов – Богу, не вписывающемуся в систему египетских божеств, как бы она ни была вариативна: «... В постбиблейских текстах один мидраш в насмешку над фараоном заставляет его задавать вопросы о Яхве: молод ли он? стар ли он? сколько городов он победил?; соль

рассказа – в полной неприменимости таких вопросов к объекту, а косвенно – в несовместимости двух типов мифа» [Мифы народов мира, 1988, т. 1, 589]. Тем не менее в Ветхом Завете, как мы уже упоминали, есть сведения о язычестве, распространившемся среди иудеев в Египте.

Вывод Израиля из «дома рабства», освобождение духа из царства плоти, становится не только символическим моментом истории народа, но и чуть ли не самым важным атрибутом Яхве. Так он определяется уже в книге Исхода: «и приму вас Себе в народ и буду вам Богом, и вы узнаете, что Я Господь, Бог ваш, изведший вас из-под ига Египетского» (Исх. 6: 7); «Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства (Исх.20:2).

Причем это определение настолько важно, что оно переходит также на золотого тельца, сделанного в отсутствие Моисея отчаявшимися странниками: «Он взял их из рук их, и сделал из них литого тельца, и обделал его резцом. И сказали они: вот бог твой, Израиль, который вывел тебя из земли Египетской!» (Исх.32:4). «И посоветовавшись царь сделал двух золотых тельцов и сказал [народу]: не нужно вам ходить в Иерусалим; вот боги твои, Израиль, которые вывели тебя из земли Египетской» (3 Цар. 12: 28). Этот мотив будет рассмотрен подробнее ниже.

Подчеркивая значимость Господа как Бога Израиля, рассказчик Библии противопоставляет Израиль Египту: «у всех же сынов Израилевых ни на человека, ни на скот не пошевелит пес языком своим, дабы вы знали, какое различие делает Господь между Египтянами и между Израильтянами» (Исх. 11: 7).

Определение Бога как Господа Исхода становится основой для важнейших аспектов теологической доктрины: богоподобия: «Я – Господь, выведший вас из земли Египетской, чтобы быть вашим Богом. Итак будьте святы, потому что Я свят» (Лев. 11:45); богоизбранности: «А вас взял Господь и вывел вас из печи железной, из Египта, дабы вы были народом Его удела, как это ныне [видно]» (Втор.4:20).

Именно это воспоминание (Исход и завет) дает Богу право гневаться и наказывать свой народ: «И пришел Ангел Господень из Галгала в Бохим и сказал: Я вывел вас из Египта и ввел вас в землю, о которой клялся отцам вашим – [дать вам], и сказал Я: «не нарушу завета Моего с вами вовек; и вы не

вступайте в союз с жителями земли сей; жертвенники их разрушьте». Но вы не послушали гласа Моего. Что вы это сделали? И потому говорю Я: не изгоню их от вас, и будут они вам петлею, и боги их будут для вас сетью» (Суд. 2: 1-3).

Таким образом, выход из «дома рабства», влекущий за собой не только освобождение (в различных смыслах), но и отказ от мощного культурного влияния, становится событием, детерминирующим облик Бога. «*Выведение* народа из Египта – это акт основания как таковой, на котором зиждется не только идентичность народа, но, прежде всего, идентичность бога» [Ассман, 2004, 219]. Доминанты в этой идентичности, по всей видимости – свобода от чуждых влияний, примат духовного над телесным (манна – и «котлы с мясом»), соблюдение завета, верность.

На протяжении истории ветхозаветного периода Египет не всегда оставался, быть может, мощным и единым, однако он был весьма влиятельным государством. Вместе с тем духовная доктрина Израиля видела эту традицию источником нечестия, мерзости и соблазнов – язычества, идолопоклонства. Вполне ожидаемо, что в пророческих книгах Египту уготована самая незавидная судьба.

Приведем несколько примеров. «Пророчество о Египте. – Вот, Господь восседит на облаке легком и грядет в Египет. И потрясутся от лица Его идола Египетские, и сердце Египта растает в нем» (Ис. 19: 1). Здесь объектом угрозы становится религия Египта.

«И сделается земля Египетская пустынею и степью; и узнают, что Я Господь. Так как он говорит: «моя река, и я создал ее» (Иез. 29: 9). В данном отрывке Господь рассматривается как создатель Нила, имеющий власть над своим созданием и вольный осушить плодородную египетскую землю.

«И сделаю землю Египетскую пустынею среди земель опустошенных; и города ее среди опустелых городов будут пустыми сорок лет, и рассею Египтян по народам, и развею их по землям» (Иез.29:12). «И рассею Египтян по народам, и развею их по землям, и узнают, что Я Господь». (Иез.30:26) Последствия суши, как и предрекает пророк, могут быть губительны для поселений Египта; а для того чтобы сохранить идентичность в изгнании, необходим единый духовный стержень, подобный монотеизму Моисея.

«Египет делается пустынею и Едом будет пустою степью – за то, что они притесняли сынов Иудиных и проливали невинную кровь в земле их» (Иоиш. 3:19). Здесь подчеркнута идея возмездия за страдания богоизбранного народа.

Интересно отметить, что пророчества оказались не столь далеки от истины: наследники великой державы фараонов действительно оказались разрознены и в итоге ассимилированы.

Пророчества сыграли свою роль в становлении ветхозаветного канона, в том числе в отношении египетской темы. Канон начинается там, где пророчество кончается, однако подкрепляется его пламенной риторикой.

Рассмотрим подробнее некоторые аспекты принципиального характера, касающиеся отличия израильской религиозной доктрины от обычаев египетской культуры.

Трансцендентность Бога Израиля

Важнейшим детерминирующим аспектом была провозглашаемая трансцендентность Бога Израиля, повлекшая за собой запрет на его изображения.

Египетская культура, как известно, имела богатейшую традицию визуализации священного. В то же время, в отличие от иудеев, древние египтяне были последовательными «монофизитами», пребывая в убеждении, что боги, люди, животные и другие существа обладают одной и той же природой. Для греков и римлян также было вполне чуждо представление о богах как о трансцендентных сущностях [Торчинов, 2007, 18]. С этим было связано логическое развитие традиции изображения божеств, в том числе скульптурных.

Однако Яхве, Господь трансцендентного завета, принципиально не имеет видимого образа. Это отчетливо обозначено в тексте Ветхого Завета: «... говорил Яхве к вам из среды огня; глас слов вы слышали, но образа не видели, а только глас; <...> твёрдо держите в душах ваших, что вы не видели никакого образа в тот день, когда говорил к вам Яхве на Хориве из среды огня, – дабы вы не развратились и не сделали себе изваяний» (Втор. 4: 12; 15-16). По всей видимости, как и в случае с Египтом, запрет изваяний связан с наличием такой

распространенной практики, что подтверждается известным эпизодом с созданием золотого тельца. Изложим вероятный ход событий в версии И. Тантлевского, так как она достаточно объясняет некоторые противоречия в библейском тексте.

Во время пребывания Моисея на горе Хорев (Синай) и получения им повелений и Скрижалей Завета от Господа народ решает, что с ним что-то случилось (и что контакта с Богом более нет) и просит его брата Аарона, первосвященника: «сделай нам бога, который бы шел перед нами» (Исх. 32:1). Аарон собрал у народа золотые украшения и сделал из них литого тельца. «И сказали они: вот бог твой, Израиль, который вывел тебя¹ из земли Египетской!»² (Исх. 32: 4). Очевидно, что народ просит воссоздать знакомую и, очевидно, привычную форму божества и поклонения ему. Интересно отметить, что первосвященник Господа Моисея с готовностью помогает им: «Увидев [сие], Аарон поставил пред ним жертвенник, и провозгласил Аарон, говоря: завтра праздник Господу» (Исх. 32: 5). Праздник, затеянный в отсутствие Моисея, носит явно народный, традиционный характер: «На другой день они встали рано и принесли всесожжения и привели жертвы мирные: и сел народ есть и пить, а после встал играть» (Исх. 32: 6).

Когда Моисей сошел с Хорева и увидел поклонение тельцу, он разбил Скрижали Завета (что символизировало расторжение завета с Господом), уничтожил тельца и вместе со сторонниками чистого яхвизма³, прежде всего левитами, поразил мечом около трех тысяч сторонников культа тельца. Итак, судя по пассажу Исх. 32:1-35, в среде Израиля, помимо неофитов – истинных адептов Господа, были и те, кто продолжал, – как это делалось, очевидно, в эпоху египетского рабства, до появления Моисея, – отождествлять Бога патриархов с неким божеством, которое изображали в образе тельца.

В ханаанейской мифологии и иконографии бык/телец ассоциировался с двумя главными божествами: Элом и Баалом; при этом, как полагают, верховный бог старшего поколения Эл – со взрослым быком, а верховный бог младше-

1 Букв. «поднял тебя», «возвел тебя».

2 ² Та же фраза зафиксирована в 32:8; ср. также Неем. 9:18.

3 Ср. Исх. 32:26: «Кто господень, – ко мне!»

го поколения Баал – с тельцом (изображения быка и тельца трудноразличимы)⁴. Аарон, как, вероятно, и часть народа, мог занимать в тот момент промежуточную позицию: он поклоняется господу, но представляет его в виде тельца. То, что рассказ о создании золотого тельца восходит к аутентичной традиции, представляется бесспорным, ибо трудно себе представить, чтобы Аарону, традиционно первому израильскому главному священнику, человеку, к которому возводили свое родословие священники Иерусалимского Храма, умышленно приписывалось впадение в идолопоклонство.

Впрочем, возможна и иная трактовка лежащей в основе пассажа *Числ.*, гл. 32 традиции. Сделав золотого тельца как своего рода *пьедестал* для незримого присутствия Господа, израильтяне пытаются в отсутствие Моисея таким образом восстановить контакт с Богом. Согласно иной традиции, таким пьедесталом для Божественного Присутствия служили херувимы (керубы) (Исх. 25, 26, 37; Чис. 7: 89; 1 Цар 4: 4; 3 Цар. 6 и т.д.).

Исходя из ряда образчиков иконографии древнего Ближнего Востока, допускают, что у языческих народов этого региона могло существовать представление о том, что их боги могут являться в человеческом образе верхом на том или ином животном. Позднее, в период активной борьбы с баализмом и его иконографическим воплощением, тельцом, эпизод с золотым тельцом у Хорева (Синая) и был переосмыслен как идолопоклоннический акт (пассажи Исх. 32:1-16, 19-24, 30-35 относят к Элохисту).

Возможно, аналогичным образом следует интерпретировать и соответствующие действия Иеровоама. Когда по смерти израильского царя Соломона (ок. 931 г. до н. э.) единый Израиль разделился на два царства, Северное (Израильское) и Южное (Иудейское), глава Северного царства Иеровоам повелел, – дабы народ не ходил почитать Господа в Иерусалимский Храм, – сделать на юге и севере своего царства, в Вефиле и Дане, двух золотых тельцов. Священниками же были поставлены люди нелевитского происхождения, «из народа» (3 цар. 13: 33). «Культу тельца» продолжают придерживаться и по-

4 См., например: Fleming D.E. If El is a Bull, Who is a Calf?: Reflection on Religion in Second-Millennium Syria-Palestine // EI 26 (1999; Cross Volume). – P. 23-27; Cogon M. 1 Kings. A New Translation with Introduction and Commentary. – New York, 2001. – P. 358.

следующие израильские цари. Однако не исключена возможность того, что Иеровоам основывался на некоей традиции, известной в североизраильских кругах в позитивной форме и восходящей к эпохе пребывания евреев в Египте и периоду Исхода. Телец же мог рассматриваться в Северном царстве лишь как пьедестал, на котором незримо пребывало божественное присутствие (ср., например, Ос. 8:5-6, 10:5-6) в противоположность южной, иудейской, традиции, согласно которой таким пьедесталом выступали херувимы.

Вероятно, позднейшие редакторы рассматривали деятельность Иеровоама сквозь призму борьбы с культом Баала во всех его проявлениях и, таким образом, могли интерпретировать его религиозные реформы в идолопоклонническом ключе.

Определенное представление об образе тельца дает обнаруженная в Северной Самарии, в культовом месте, израильская бронзовая фигурка тельца (быка), датируемая эпохой Судей (вероятно, XII в. до н. э.)⁵. Заметим также, что среди надписей на обнаруженных на территории Самарии (столицы Северного царства) в 1908-1910 гг. острака, датируемых большинством исследователей IX в. до н. э.⁶, встречается имя 'glyh (остра- кон № 41), означающее «телец Господа».

Некоторые исследователи усматривают в культе золотого тельца египетское влияние (черный бык Апис почитался в Мемфисе, белый бык Мневис – в Гелиополе).

Так или иначе, запрет на изображение Бога в Ветхом Завете явно имеет характер отвержения окружающих влиятельных духовных традиций с их весьма богатой графикой, противопоставляя ей выраженную трансцендентность, инакость, неизобразимость Бога.

5 См., например: Mazar A. The «Bull Site»: An Iron Age I Open Cult Site // BASOR 247 (1982). – P. 27-42; Idem. Bronze Bull Found in Israelite «High Place» from the Time of the Judges I I BAR, Sept./Oct., 1983. – P. 340.

6 Есть и более поздние датировки, вплоть до времени израильского царя Менахема (752-742). О самаритянских острака см., например: Mazar A. The Historical Background of the Samaria Ostraca // The Early Biblical Period. – Pp. 173-188; Kaufman I.T. The Samaria Ostraca: An Early Witness to Hebrew Writing // BA 45 (1982). – P. 229-239; Idem. Samaria Ostraca // ABD. – Т. 5. – Pp. 921-926.

Вероятно, можно считать одним из мотивов отвержения в ветхозаветном каноне художественных практик священного толка и страх перед культурным влиянием Египта – закономерным для древнего Востока историческим процессом конфронтации «с культурой, воспринимаемой как более высокая или, во всяком случае, таящей угрозу» [Ассман, 2004, 222], что приводит к обособлению собственного предания, а значит, и идентичности.

Празднование Пасхи

События периода Исхода получили закрепление в обычаях празднования Пасхи. В тексте Танаха не раз подчеркивается символический аспект пресного, не квасного хлеба, опресноков: «семь дней ешь с нею опресноки, хлеба бедствия, ибо ты с поспешностью вышел из земли Египетской, дабы ты помнил день ишествия своего из земли Египетской во все дни жизни твоей» (Втор. 16: 3); «наблюдай праздник опресноков: семь дней ешь пресный хлеб, как Я повелел тебе, в назначенное время месяца Авива, ибо в оном ты вышел из Египта; и пусть не являются пред лице Мое с пустыми [руками]». (Исх. 23: 15)

Рассмотрим традиции праздника подробнее. Непосредственно перед Исходом евреев из Египта Господь устанавливает навечно празднование Пасхи (Исх. 12-13). Для пасхальной трапезы следует взять однолетнего агнца мужского пола без порока от овец или коз (в десятый день первого месяца⁷) и заколоть к концу четырнадцатого дня первого месяца: «...и пусть возьмут от крови [его] и помажут на обоих косяках и на перекладине дверей в домах, где будут есть его; пусть съедят мясо его в сию самую ночь, испеченное на огне; с пресным хлебом и с горькими [травами] пусть съедят его; не ешьте от него недопеченного, или сваренного в воде, но ешьте испеченное на огне, голову с ногами и внутренностями» (Исх. 12: 7-9).

Далее Господь заповедует: «Ешьте же его так: пусть будут чресла ваши препоясаны, обувь ваша на ногах ваших и посохи ваши в руках ваших, и ешьте

7 Месяц колошения авив; ему соответствует месяц нисан (март-апрель) после пленного календаря иудеев. В эпоху после вавилонского плена первым месяцем становится тигри (сентябрь-октябрь), соответствующий месяцу этаним календаря допленной эпохи.

его с поспешностью: это – Пасха Господня. А Я в сию самую ночь пройду по земле Египетской и поражу всякого первенца в земле Египетской, от человека до скота, и над всеми богами Египетскими произведу суд. Я Господь» (Исх. 12: 11,12)⁸. «И будет у вас кровь знамением на домах, где вы находитесь, и увижу кровь и пройду мимо вас, и не будет между вами язвы губительной, когда буду поражать землю Египетскую. И да будет вам день сей памятен, и празднуйте в оный праздник Господу во [все] роды ваши; [как] установление вечное празднуйте его⁹. Семь дней ешьте пресный хлеб; с самого первого дня уничтожьте квасное в домах ваших, ибо кто будет есть квасное с первого дня до седьмого дня, душа та истреблена будет из среды Израиля» (Исх.12:13-16).

Таким образом, название праздника Пасха (Песах) происходит от глагола *пасах*, означающего «прошел мимо», «миновал» (см. *Исх.* 12:13, 27)¹⁰, возможно, от первоначального значения «прихрамывать», затем получившего смысл «перескакивать через что-либо», «оставлять нетронутым»; в Ис. 31:5 этот глагол употреблен в значении «защищать». Термин *песах* соотносят также с аккадским *passahu* «делать мягким, гибким», «умиротворять», а также рядом египетских терминов, имеющих значения «празднование», «жатва», «удар». По мнению И.Ш. Шифмана, еврейское слово *песах*, по-видимому, должно переводиться как «трапеза». Может быть, термин соответствует способу поедания ягненка во время пасхальной трапезы» [Шифман, 1987, 235]. В Матф. 26:17-19; Мк. 14:12-16; Лк. 22:7-11 слово «пасха» употреблено в бесспорном значении «трапеза», «еда». Пассаж из Исх. 12:13 этот ученый переводит как «Я буду трапезовать с вами» (вместо традиционного «Я пройду мимо вас»). Суммируя сказанное выше, можно сказать, что в Ветхом Завете термин *песах* употребляется в значениях: пасхальное жертвенное животное; пасхальная жертва, включая обряд ее поедания; праздник (или праздничное паломничество) Пасхи.

8 См. также Числ. 33:4.

9 Т. е. в этот праздник следует совершать паломничество к святилищу Господа. См. также Исх. 23:17, 34:23; Втор. 16:16.

10 О праздновании Пасхи см. также Исх. 12:42-50, 13:3-10, 23:15, 34:18; Лев. 23:5-8; Числ. 9:2-14, 28:16-27. Втор. 16:1-6. О первой Пасхе в Земле Обетованной см.: И. Нав. 5:10-11.

Здесь же отметим следующую особенность: если в книге Второзакония 16:1-8 Пасха и праздник опресноков полностью идентифицируются (ср. Исх. 12:1-27, 13:3-10, 23:15, 34:18), то в тексте Лев. 23:5-8 (Священнический кодекс) сохраняется их относительная дифференциация (см. также Числ. 28:16–25)¹¹.

Еврейская пасха – это праздник обретения свободы, посвященный одному из центральных событий в истории Израиля – Исходу из Египта. Ставить под сомнение историчность пребывания евреев в Египте и, соответственно, Исхода нет достаточных оснований (хотя некоторые исследователи и делают это). Библейские данные и современные научные знания и методы, как представляется, позволяют выявить исторический фон описываемых в книгах Бытия, гл. 37-50, и Исхода событий. Кроме того, как справедливо замечает В.В. Струве, «нельзя... предположить, что оставшиеся вне Египта племена изменили свои традиции свободного народа в пользу унижительной традиции рабства и притеснения Израиля, ибо бесспорно, что народная традиция проявляет естественную тенденцию приукрашивать свою историю» [Струве, 1919, 27].

Заключение

Итак, религиозная и духовная традиция древнего Израиля имела эмфатический характер, то есть служила для отстаивания собственной культурной значимости, традиций и самости, выполняла функцию отделения от иных культур – особенно наиболее влиятельных, к которым относилась и египетская. Нужно отметить, что эмфатический характер, функцию отмежевания от других традиций имела и та самая культура Египта, от которой так старается отмежеваться древнеизраильская традиция на всем протяжении Ветхого Завета. Ян Ассман точно говорит о том, что в своем отмежевании от окружающих культур Израиль и Египет шли параллельными путями – в Персидской империи и в эллинистическую эпоху, хотя эти пути и вели совсем к разным историческим результатам.

11 Ср. Лев. 23:5-6: «В первый месяц, в четырнадцатый (день) месяца вечером – Пасха Господня. И в пятнадцатый день того же месяца – Праздник опресноков Господу. Семь дней ешьте опресноки». Ср. также Числ. 28:16-17: «В первый месяц, в четырнадцатый день месяца – Пасха Господня. И в пятнадцатый день этого месяца – праздник; семь дней должно есть опресноки».

Исход, ставший ключевым мотивом еврейской истории, намечает важнейшие моменты позднейшей истории Израиля, приведшие к уникальному упрочению традиции:

- ситуация изгнания (рассеяния) детей Израиля в Египте;
- ситуация «меньшинства, угнетения и сопротивления ассимилирующему давлению материально превосходящей культуры с ее «горшками мяса», политеизмом, культом изображений, магией, культом мертвых и обожествлением властителей [Ассман, 2004, 218];
- фигуры освобождения и экстерриториальности.

Тема египетского рабства и Исхода – одна из ключевых тем, резко отличающих мифологию ветхозаветного иудаизма от мифологических картин окружающих народов. По всей видимости, при становлении израильской этнико-религиозной идентичности уход из Египта (и, по всей видимости, сознательный отказ от его культурного наследия) был ключевым фактором и первичным символом своего рода духовной аскезы этого народа, сумевшего пронести свою веру и обычаи через тысячелетия. Впоследствии этот архетип отмежевания, эмфатической идентичности используется и в отношении Вавилона, Ассирии, других смежных народов, которые могли иметь определенное влияние на культуру и обычаи древних иудеев.

За исключением упоминаний Египта как топологического указания выделяются несколько концептуальных векторов восприятия этой страны в тексте Танаха. Перечислим основные группы векторов:

1. Египет как желанная земля.
2. Египет как отрицательный образ.
3. Египет как точка проявления Божьей воли.

Египет действительно был землей сытости и даже изобилия, непривычной и манящей для кочующих племен семитов. Доказательность этих отрывков также в том, что здесь звучит речь самого народа, несомненно, тоскующего по сытной и спокойной оседлой жизни, а не монолог законодателей, выдвигающих духовные причины Исхода.

Вместе с тем уже здесь становится ясно, что ключевые причины Исхода имеют духовные корни. Внутренняя оседлость воспринимается Моисеем и его

сторонниками как знак косности, культурной ассимиляции, нарушения Завета, недаром после египетского плена Бог возобновляет Завет: очевидно, он оказался расторгнут. Выход из «дома рабства», влекущий за собой не только освобождение (в различных смыслах), но и отказ от мощного культурного влияния, становится событием, детерминирующим облик Бога.

По всей видимости, память о Египте как земле щедрой и желанной оказалась достаточно стойкой; вместе с тем в тексте Ветхого завета нарастает образ Египта как земли нечестия, мерзости, несвободы. Одним из отрицательных мотивов, связанных с образом Египта в Библии, является мотив чуждых богов – очевидно, как память о культурной ассимиляции, предполагавшей и ассимиляцию религиозную. Отрицательная оценка Египта в тексте Ветхого Завета связана, прежде всего, с мотивами язычества, нежелательного культурного влияния, мерзостями и болезнями, а также рабства. Столь настойчивое отрицание каких-либо положительных сторон Египта, очевидно, связано с определенной идеей этнико-религиозной идентичности, воспринимающей любое, особенно сильное культурное влияние как крупную опасность. И исход, и Синайское откровение основаны на фигуре экстерриториальности, своего рода лиминальной свободы.

Экстерриториальность завета – союз с Богом *вне* Земли обетованной, помысль об Израиле *вне* Израиля – сыграла свою роль в становлении особого типа ментальности, выживающей и сохраняющей культурную память зачастую без внешне определяемых условия коллективной памяти (таких как храм, царская власть, территория).

Запрет на изображение Бога в Ветхом Завете явно имеет характер отвержения окружающих влиятельных духовных традиций с их весьма богатой графикой, противопоставляя ей выраженную трансцендентность, инакость, неизобразимость Бога. События периода Исхода получили закрепление в обычаях празднования Пасхи.

Символичность образа Египта не является случайной. Египет как индизонимный образ чуждого и влиятельного культурного окружения вездесущ, однако для сторонника метафоры спасительного Исхода всегда есть путь, лежащий в соблюдении Закона (например, особенностях празднования Песах) и ведущий из дома рабств и притеснений в Землю Обетованную. Здесь можно

говорить о начатках идеи, переосмысленной потом в прекрасной формуле Царства Божия внутри нас: внутренняя свобода неподвластна никаким притеснениям и никакому угнетению. «Когда говорят об Исходе из Египта, речь идет об исходе из всякого профанного, нечистого, угнетающего, ассимилирующего, забывшего Бога окружения и тем самым вообще из «мира» [Ассман, 2004, 223].

Так исторический (что можно считать доказанным) процесс, исход из Египта, внутреннее сопротивление культурному влиянию, приобретает индигенетическую силу и порождает противостояние мирского и духовного, которое станет важнейшей чертой нарождающейся монотеистической религии.

Библиография

1. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
2. Астапова О.Р. Священное царство и царственное священство в религиозно-политической традиции Древнего Ближнего Востока: Египет, Месопотамия, Израиль: дисс. ... канд. истор. наук. – М.: РГГУ, 2009. – 364 с.
3. Мисецкий Е.В. Влияние египетской религии и культуры на картину мира ветхозаветного иудея // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2012. – № 2-3. – С. 20-37.
4. Мисецкий Е.В. Онтология Египта и Пятикнижия: творение и истина // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2014. – № 4. – С. 35-49.
5. Мисецкий Е.В. Проблемы библейской историографии. Библейская критика // «Белые пятна» российской и мировой истории. – 2014. – № 5. – С. 57-73.
6. Мифы народов мира. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – Т.1. – 672 с.
7. Струве В.В. Пребывание Израиля в Египте в свете исторической критики. – Пб.: Евр. ист. библ., 1919. – 30 с.
8. Торчинов Е.А. Религии мира: Опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. – СПб.: Азбука-классика, Петербургское Востоковедение, 2007. – 544 с.
9. Шифман И.Ш. Ветхий завет и его мир. – М.: Политиздат, 1987. – 239 с.

Egypt and the formation of the theology of the Old Testament

Evgenii V. Misetskii

Postgraduate,

Centre for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences,
123001, 30/1 Spiridonovka str., Moscow, Russian Federation;

e-mail: barsik231@rambler.ru

Abstract

The article studies the role of the Exodus as one of the first historical prototypes of the division of the world into the spiritual and the secular, as well as the imperative of the primacy of the spirit over the body. The article also deals with some aspects, in which the Jewish religious doctrine and the customs of the Egyptian culture differ from each other. The religious and spiritual tradition of the ancient Israel was emphatic by character, that is why it was used for asserting the cultural significance of the Jews, the traditions of the people and performed the function of separation of this culture from other cultures, especially the most influential ones that included Egyptian culture. The symbolical character of the image of Egypt is not accidental: Egypt as the allegorical image of the alien and influential cultural environment is omnipresent. The historical process (the Exodus from Egypt, the fierce opposition of the Jews to the influential Egyptian culture) became allegorical and led to the confrontation of the secular and the spiritual, that is why it can be considered to be the most important feature of the arising monotheistic religion.

For citation

Misetskii, E.V. (2014) Egipet i stanovlenie teologii Vetkhogo Zaveta [Egypt and the formation of the theology of the Old Testament]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6, pp. 77-93 (In Russian).

Keywords

Egypt, Old Testament, Exodus, Jewish religious doctrine, ancient Israel, God, God's chosen people, the Jews, religion.

References

1. Assmann, J. (2004) *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [*Cultural memory. Script, recollection, and political identity in early civilizations*]. Moscow: Yazyki slavyan-skoi kul'tury.
2. Astapova, O.R. (2009) *Svyashchennoe tsarstvo i tsarstvennoe svyashchenstvo v religiozno-politicheskoi traditsii Drevnego Blizhnego Vostoka: Egipet, Mesopotamiya, Izrail'* [*Sacred Kingdom and royal priesthood in the religious and political tradition of the ancient Near East: Egypt, Mesopotamia, Israel*]. Dissertation, Russian State University for the Humanities.
3. *Mify narodov mira* [*Myths of the nations of the world*] (1988). Vol. 1. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
4. Misetskii, E.V. (2014) Ontologiya Egipta i Pyatiknizhiya: tvorenie i istina [Ontology of Egypt and the Pentateuch: Creation and Truth]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [*Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*], 4, pp. 35-49.
5. Misetskii, E.V. (2014) Problemy bibleiskoi istoriografii. Bibleiskaya kritika [Questions of biblical historiography. Biblical criticism]. *"Belye pyatna" rossiiskoi i mirovoi istorii* [*"White Spots" of the Russian and World History*], 5, pp. 57-73.
6. Misetskii, E.V. (2012) Vliyanie egipetskoj religii i kul'tury na kartinu mira vetkhozavetnogo iudeya [The influence of Egyptian religion and culture on the Old Testament]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [*Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*], 2-3, pp. 20-37.
7. Shifman, I.Sh. (1987) *Vetkhii zavet i ego mir* [*The Old Testament and its world*]. Moscow: Politizdat.
8. Struve, V.V. (1919) *Prebyvanie Izrailiya v Egipte v svete istoricheskoi kritiki* [*Israel in Egypt in the light of historical criticism*]. Petersburg: Evr. ist. bibl.
9. Torchinov, E.A. (2007) *Religii mira: Opyt zapredel'nogo. Psikhotehnika i transpersonal'nye sostoyaniya* [*Religions of the world: Experience of the transcendence. Transpersonal states and psychotechnique*]. St. Petersburg: Azbukaklassika, Peterburgskoe Vostokovedenie.